

Пэй Цинюэ больше никогда не смотрел на Мэн Хуайсюя.

Зато Мэн Хуайсюй принялся наблюдать за ним.

В классе снова пересадили учеников: Мэн Хуайсюя определили в последний ряд первой группы, а Пэй Цинюэ пересел в конец третьей.

На выборах старосты класса Пэй Цинюэ единогласным решением девочек был избран старостой.

Мэн Хуайсюй между делом тоже отдал за него свой голос.

Что же до того низкорослого парня, который проиграл выборы, он с кислым видом жаловался в кулуарах: «Вот поэтому у девчонок волос длинный, а ум короткий». Эти слова долетели до ушей Мэн Хуайсюя без единого искажения.

Вот как? По мнению Мэн Хуайсюя, этот ублюдок был просто безнадежен.

— Говорила же тебе меньше курить, старый дымарь! Смотри, доиграешься до рака легких!

Сюй Жань вернулась к своему обычному поведению.

Стоило Мэн Хуайсюю вернуться в класс после того, как он околачивался с Цзян Сюанем и остальными, как она принималась накручивать челку на бигуди и одновременно пилить его.

Мэн Хуайсюй лениво усаживался рядом с Сюй Жань, уплетая принесенные девчонками сладости, и служил для них лишь живой игрушкой, чтобы разогнать скуку.

— Накрасить тебе губы блеском? Как раз вышел новый оттенок, улетный.

— Да мне всё равно... Всё равно, даже если скажу не красить, ты в итоге силой намажешь.

С первого класса эта смазливая физиономия Мэн Хуайсюя пользовалась успехом, как общественное достояние всего класса.

Стоило ему подыграть этой компании девочек и помочь протестировать оттенки, как мармелад, конфеты и шоколад рекой текли в его сторону.

Словно выполняя какой-то рабочий KPI, Мэн Хуайсюй со скучающим видом разглядывал руки, мельтешившие перед его глазами.

Он небрежно скосил взгляд — и, разумеется, автоматический карандаш в руке Пэй Цинюэ замер на полпути.

Хотя этот сухарь и уставился в задачник, его внимание было целиком и полностью приковано сюда.

Мэн Хуайсюй с вредной усмешкой приподнял угол рта и смачно чмокнул тыльную сторону ладони, загораживавшую ему обзор.

Вокруг мгновенно раздалась с трудом сдерживаемые визги и смех.

— Ой! Видела, Сюй Жань? Он только что поцеловал меня в руку!

— Видела-видела, я ж не слепая...

Сюй Жань с кислым видом присоединилась к общему смеху.

В тот момент Мэн Хуайсюй был полностью поглощен тем, что украдкой следил за реакцией Пэй Цинюэ, и совершенно выпал из реальности.

Раздался резкий щелчок — черный грифель сломался.

Пэй Цинюэ медленно захлопнул задачник по физике за пятый и шестой годы, сделал вид, что ничего не произошло, вытащил сборник упражнений по английскому и привычно заткнул уши оранжевыми берушами.

Какое-то смутное, неопределенное чувство поднялось в груди Мэн Хуайсюя.

Нехорошее и неплохое, от него просто становилось тоскливо.

Он сам изо всех сил старался обращать внимание на человека, который обращает внимание на него — от такого состояния даже самому Мэн Хуайсюю становилось не по себе.

Впрочем... если бы ту ситуацию можно было объяснить, он бы давно уже всё объяснил.

Но как тут оправдаться?

Заявить, что бредовые слова на том видео — вовсе не то, что он думал на самом деле?

Сказать, что Ци Шэн намеренно вывел его из себя, а сам он напился до провала в памяти и нёс

чушь?

Тоже не совсем правда.

Тот холодный расчет выгоды в ту самую минуту действительно отражал истинные мысли такого подлеца, как он.

В начале прошлого месяца Мэн Хуайсюй из-за Пэй Цинюэ специально полез в зарубежный интернет искать порно.

Уставившись на экран, где сплетались тела двух мужчин, он опустил взгляд на собственную совершенно спокойную реакцию, и в его голове мелькнуло лишь «так и знал...», сменившееся глухим чувством пресности.

Даже когда он закрывал глаза и пытался мысленно заменить кого-то из видео на Пэй Цинюэ, это не вызывало ни малейшего эротического трепета — лишь холодок по спине.

И тем не менее... если бы на него пролился дождь из огромных денег, он бы, наверняка, стиснул зубы и полез напролом, как последний бесстыжий альфонс.

Неважно, заглушая ли совесть алкоголем или еще как-нибудь.

Именно потому, что в подсознании у него сидел подобный мерзкий настрой, в тот день в кабинке и сорвались с языка те грязные слова.

Сейчас, глядя на прямую спину Пэй Цинюэ, Мэн Хуайсюй ощутил странное, липкое горечь-чувство, которое, словно тень, неотступно следовало за ним.

Дни текли своим чередом, и вот незаметно подступил среднесеместровый городской пробный экзамен.

Школьные учителя по всем предметам, которые только и твердили, что результаты этого экзамена — то же самое, что баллы на гаокао, после испытания внезапно переменились в лицах и принялись мягко стелить.

За мои пару десятков лет учительской практики я повидал немало учеников с плохой базой, которые за последний год совершали отчаянный рывок и переворачивали игру на гаокао! Ваша судьба еще не решена, беритесь за ум прямо сейчас, еще не поздно!

Но школа-то была знаменитой ключевой спецшколой города А, и давление конкуренции здесь стояло такое, что дышать было нечем.

Пока одни грызли гранит науки до кровавого пота, другие — безнадёжные двоечники вроде Мэн Хуайсюя — махнули на всё рукой и заранее планировали податься в творческие специальности или сразу уехать за границу за дипломом.

Вскоре по параллели разнеслась весть, что на пробном экзамене Пэй Цинюэ вошел в топ-10 по всему городу.

К таким заоблачным баллам уровня гениев большинство давно уже привыкло.

Девочки, независимо от того, как учился Пэй Цинюэ, по-прежнему сходили с ума по его лицу.

Парни же, напротив, лютовали и находили в этом холодном и надменном зубриле изъяны буквально во всём.

В последнее время кто-то тайком стал наклеивать желтые стикеры на спину Пэй Цинюэ.

И на каждом из них красовались мерзкие, наполненные сексуальным подтекстом и оскорблениями карикатуры, призванные унижить его за гомосексуальность.

Именно потому, что Пэй Цинюэ был правильным учеником, который не пускал в ход кулаки, эта шпана и третировала его, как мягкотелую грушу.

Мэн Хуайсюй мог дать голову на отсечение: будь Пэй Цинюэ из тех отморожков, что при малейшем раздражении хватают стул и швыряют им в обидчика, никто бы в жизни не посмел его так унижать, плевать на его ориентацию.

Сначала Мэн Хуайсюй предпочитал закрывать на это глаза, но когда подобная грязь повторилась в третий раз, он все-таки не выдержал и ввязался в это неблагодарное дело.

— Блин, а у тебя рука-то набивается, всё реалистичнее рисуешь!

— Мастерство приходит с практикой, сечешь? Будешь рисовать по десять штук в день — сам мастером станешь.

— Да пошел ты, приплетать такие устойчивые выражения к этой грязной херне, ты больной что ли? Тошнотворно, блин.

Стоило услышать этот говор, как стало ясно: мерзость эту творила компания подпевал Цзян Сюаня.

Как бы Пэй Цинюэ ни травили среди парней, максимум, на что хватало остальных —

шушукаться за спиной, никто бы не осмелился открыто задирать его.

Намеренно ставить Пэй Цинюэ в столь унижительное положение с помощью столь низких приемов могли только шестерки из шайки Ци Шэна.

Чтобы поймать их с поличным, Мэн Хуайсуй последние пару перемен специально околачивался возле седьмого класса.

Цзян Сюань обычно валялся на парте, досыпая, а остальные его дружки кучковались на последнем ряду и весело занимались своими пакостями.

Мэн Хуайсуй толкнул дверь и направился прямо к тем типам, которые усердно малевали гадости на клейких листочках.

<http://bllate.org/book/19358/1892565>